

— Ты... — Вдовствующая императрица слегка заволновалась. — Ты хочешь меня свести в могилу? Ты ведь знаешь, что я всем сердцем хочу компенсировать Линь Эню все его потери. Из-за тебя он не может служить в чиновничьем аппарате, не может войти в императорский двор. Я хочу выдать Фухуа за него, чтобы он обрёл статус, чтобы хотя бы окружающие не смотрели на него свысока. А теперь ты говоришь такие вещи! Ведь именно из-за тебя он стал таким, ни человеком, ни призраком. Ты стал императором, разве можно забывать о его спасительной милости? Разве ты не боишься, что таким поведением охладишь сердца семьи Линь?

— Фухуа — принцесса, и Лэ Цин — тоже принцесса. Если Линь Энь хочет стать зятем императора, какая разница, за какую принцессу он женится? — Холодно произнёс Ци Цзюньму, глядя на Вдовствующую императрицу, чьи глаза покраснели от волнения.

— Разве это одно и то же? — Вдовствующая императрица поняла, что император говорит в гневе, и с раздражением ответила. — Фухуа — старшая принцесса, родная сестра императора, родная дочь Вдовствующей императрицы, с рождения окружена бесконечной любовью, даже чиновники при дворе смотрят на неё с уважением. А что такое Лэ Цин? Рождённая от служанки, она разве может сравниться с Фухуа по статусу? Если ты издашь указ о свадьбе, посмотрим, обрадуется ли этому твой дядя.

— Я — император, и даже если дядя будет недоволен, что он сможет сделать? Разве он посмеет ослушаться указа? — Ци Цзюньму усмехнулся с холодным сарказмом.

Вдовствующая императрица уже немного успокоилась, видя, как он, разгневанный, говорит необдуманно, и смягчила тон.

— Я знаю, что ты дорожишь своей репутацией, но подумай об этом внимательно. Я делаю это на всякий случай, ради Линь Эня, но больше всего — чтобы помочь тебе. У всего есть две стороны, и с Шэнь Нянем то же самое. Он умный человек, наверняка понимает твои намерения. Что, если он тоже захочет оставить себе путь к отступлению? Это ведь будет выгодно всем.

Ци Цзюньму равнодушно ответил.

— Шэнь Нянь не стремится стать зятем императора, он не согласится. Матушка, просто следите за слухами, и если кто-то осмелится распускать сплетни, лишите его языка.

Вдовствующая императрица знала, что он упрям, и не хотела больше с ним спорить, с усталым видом отпустив его.

Ци Цзюньму ушёл с недовольным выражением лица.

Вернувшись в Чертог Цяньхуа, он молча сел на императорский трон. Через некоторое время Жуань Цицин принёс чай.

Император явно был не в настроении, и Жуань Цицин жестом велел всем слугам тихо удалиться. Поставив чай на стол, он тихо сказал.

— Ваше Величество, не сердитесь. Я слышал от Жу Янь из Дворца Жэньшоу, что Вдовствующая императрица просто опечалена и хочет как-то компенсировать господину Линь.

Ци Цзюньму поднял глаза, вопрошая о причине, и Жуань Цицин ещё тише продолжил.

— Жу Янь сказала, что госпожа Линь, видя, как у Линь Эня поднимается жар, горько плакала, говоря, что он не выдержит такой болезни. Вдовствующая императрица, глядя на него, вероятно, вспомнила прошлое. Лицо Линь Эня обезображено, у него нет надежды на будущее, и Вдовствующая императрица чувствует себя всё более виноватой перед ним. В конце концов, он называет её тётушкой.

Ци Цзюньму знал, что это информация, которую Жуань Цзицин смог раздобыть, но не придавал ей большого значения.

Дворец Жэньшоу Вдовствующей императрицы, как и его Чертог Цяньхуа, часто распространял только ту информацию, которую хотел, чтобы узнали.

Вдовствующая императрица использовала уста Жуань Цзицина, чтобы показать слабость, но Ци Цзюньму не почувствовал ни капли радости, напротив, он ощутил глубокую печаль.

О том, как Линь Энь спас его в детстве, он смутно помнил, но детали уже стерлись из памяти.

Кажется, в тот день госпожа Юэ привела Линь Эня во дворец, и они стояли вместе, пока взрослые разговаривали, а их отвели играть в боковой зал.

В какой-то момент дверь бокового зала оказалась заперта, и начался пожар.

Он помнил, как вокруг бушевало пламя, двери и окна горели, а за пределами зала Вдовствующая императрица кричала его имя, разрывая сердце. Его глаза слезились от дыма, он плакал и кричал, пытался ползти, но не мог пошевелиться.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока Линь Энь не схватил его за руку и не прижал к себе.

Что было дальше, он не помнил, не знал, как начался тот пожар и как их спасли. Он лишь помнил, как Вдовствующая императрица и госпожа Юэ горько плакали.

После этого Вдовствующая императрица долгое время относилась к нему с особой теплотой.

По поводу внезапного пожара в боковом зале говорили, что служанка забыла потушить огниво, когда зажигала благовония. Император Цзин приказал тщательно расследовать происшествие, но смог выяснить только, что это было делом рук остатков его братьев. В итоге всё закончилось тем, что всех слуг во дворце Вдовствующей императрицы заменили.

Но после этого Ци Цзюньму из-за потрясения долгое время был слаб здоровьем, и воспоминания о том пожаре почти стерлись, а лицо Линь Эня оказалось навсегда обезображено.

С тех пор он носил серебряную маску, и его жизнь была разрушена.

Из-за этого Вдовствующая императрица всегда говорила ему, что Линь Энь — его спаситель, что он защитил его, а сам пострадал от огня. Ци Цзюньму всегда относился к Линь Эню как к старшему брату.

К семье Линь он испытывал огромное доверие и снисходительность, к счастью, Линь Сяо никогда не выдвигал чрезмерных требований.

Вспомнив об этом, Ци Цзюньму слегка смягчил выражение лица и сказал Жуань Цзицину.

— Позовите Левого канцлера.

Жуань Цзицин поклонился и удалился.

Линь Сяо вскоре появился в Чертоге Цяньхуа.

Он занимался делами двора и ещё не слышал о происшествии в Императорском саду, потому выглядел так же спокойно, как обычно.

Ци Цзюньму не собирался скрывать от него случившегося и, отпустив Жуань Цзицина и остальных слуг, подробно рассказал обо всём, включая мысли Вдовствующей императрицы и свои возражения.

Выражение лица Линь Сяо менялось по мере рассказа императора.

Наконец, услышав вопрос императора.

— Дядя, считаете ли вы, что я поступил неправильно?

Линь Сяо опустил на колени и медленно произнёс.

— Ваше Величество, вы не ошиблись. — Конечно, Вдовствующая императрица тоже не была виновата, потому он продолжил. — Это вина Линь Эня, он не знает правил дворца, действовал неосторожно, что привело к ссоре между Вдовствующей императрицей и Вашим Величеством, и чуть не затронуло принцессу Лэ Цин. Пожалуйста, не судите его строго.

— Я не стану судить двоюродного брата за это, он ведь действовал из добрых побуждений. Просто матушка считает, что я поступил неправильно. — Ци Цзюньму подошёл и помог Линь Сяо подняться, в его голосе сквозила лёгкая обида. — Матушка не понимает, что я действительно хочу получить власть Шэнь Няня, хочу, чтобы Армия Северных рубежей перестала быть Армией семьи Шэнь, но я не хочу использовать такие методы, связанные с личными чувствами. Я хочу, чтобы Шэнь Нянь добровольно передал мне свою власть, чтобы никто при дворе не мог возразить.

— Я понимаю Ваши мысли, Ваше Величество. — Линь Сяо поднял голову. — То, что Вы так думаете, — это поступок мудрого правителя.

Ци Цзюньму слегка обрадовался, как ребёнок, получивший похвалу от старшего, и, казалось, немного смутился.

— Я тогда разозлился и наговорил глупостей перед матушкой, дядя, не принимайте это близко к сердцу.

— Конечно, я не стану. — Линь Сяо успокоил его. — Вдовствующая императрица тоже поймёт.

Ци Цзюньму кивнул, но всё же выглядел немного подавленным.

— Матушка сейчас, наверное, не хочет меня слушать, дядя, помогите ей понять, она всегда прислушивается к вашим словам.

Линь Сяо поспешил заверить, что приложит все усилия.

Ци Цзюньму глубоко вздохнул и затем отпустил Линь Сяо.

После его ухода Ци Цзюньму задумчиво сидел на императорском троне.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда Жуань Цзицин снова тихо подошёл и сообщил, что Шэнь Нянь просит аудиенции.

Ци Цзюньму пришёл в себя и уже собирался впустить Шэнь Няня, как Жуань Цзицин воспользовался моментом, чтобы напомнить.

— Ваше Величество, время трапезы уже прошло. Может, сначала поедите, а потом обсудите государственные дела с господином Шэнь?

Обычно это время уже на четверть часа позже привычного, но никто не осмелился потревожить императора, учитывая его настроение.

Жуань Цзицин воспользовался приходом Шэнь Няня, чтобы вовремя сказать об этом.

Люди иногда странные: если долго сосредоточенно думаешь о чём-то, даже голод не чувствуется.

Но стоит кому-то напомнить, и сразу ощущаешь, как голод мучает всё тело.

Ци Цзюньму всё ещё не мог до конца разобраться в своих чувствах к Вдовствующей императрице, но он не ощущал печали. Он уже давно перестал быть тем ребёнком, которому нужно материнское сочувствие. Теперь он был просто императором, для которого чувства были не так важны.

Поэтому, вернувшись в реальность, он почувствовал голод ещё сильнее.

И тогда Ци Цзюньму сказал.

— Пусть Шэнь Нянь войдёт и поест со мной.

Жуань Цзицин слегка опешил и тихо сказал.

— Ваше Величество, это не по правилам. Может, пусть господин Шэнь подождёт немного?

По правилам, только императрица и наложницы могли есть вместе с императором.

И то императрица могла сидеть за столом, а наложницы только стояли и прислуживали. Конечно, были исключения для особо любимых.

У чиновников обычно свои места, и сегодня на кухне не готовили лишнего.

<http://bllate.org/book/16626/1522261>